

В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

УДК 81'27

Т.В.Артемова

НАРРАТИВ КАК ЭЛЕМЕНТ РИТОРИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СУДЕБНЫХ РЕЧЕЙ А.Ф.КОНИ)

Кемеровский государственный университет

On the basis of A.F.Koni's judicial speeches analysis made for a jury, the preconditions of the judicial orator rhetorical activity is revealed, principles of rhetorical strategy realization are established.

В связи с возрождением суда присяжных возникает необходимость в выработке подходов к описанию речевых навыков современного судебного оратора, осуществляющего правоприменительную деятельность в условиях особой публичности — в ситуации, когда адресатом сообщения выступает юридически не подготовленный человек. Поэтому видится перспективным изучение речемыслительной деятельности А.Ф.Кони — известного юриста конца XIX — начала XX вв., значительную часть творческого наследия которого составляют его судебные речи, обращенные именно к присяжным заседателям.

Поскольку задача судебного оратора состоит в оценке события преступления и роли в нем подсудимого, очевидна нарративная природа судебной речи. Ниже мы рассматриваем, как А.Ф.Кони воплотил свойственный судебной речи нарративный потенциал.

Изучение нарратива в нехудожественной речи стало привлекать внимание исследователей совсем недавно. Так, если ранее преимущественно изучался художественный нарратив (В.Шмид, П.Рикер, Ж.Женетт, Е.В.Падучева, К.А.Андреева, Е.А.Попова и др.), то теперь можно отметить рост научного интереса к историческому (П.Рикер, Ф.Анкерсмит, А.А.Олейников, К.Э.Штайн, И.В.Янков и т.д.), повседневному (Т.А. ван Дейк, И.С.Веселова, В.З.Демьянков, И.В.Троцук), политическому (А.Б.Рябовасова) нарративу.

Очевидно, что судебный нарратив многофункционален. С одной стороны, он обеспечивает авторскую рефлексию на событие, а с другой, — направлен на осуществление воздействия, причем вторая функция нарратива возможна при актуализации первой. Иными словами, для того, чтобы реализовать воздействующую функцию нарратива, автор должен оценивать произошедшее как событие, как то, что заслуживает пристального внимания.

Условием реализации речевого воздействия является учет фактора адресата. Для определения этого фактора и его роли целесообразно обратиться к «Риторике» Аристотеля, где называются составные части коммуникативного события: «Речь состоит из трех элементов: самого говорящего, предмета, о котором он говорит, и лица, к которому обращается и

которое есть, собственно, конечная цель всего (я имею в виду слушателя)» [1]. Поэтому о специфике риторической стратегии следует говорить, учитывая образ адресата. Об образе адресата подробно говорится в работе Р.Амossi «Этос на междисциплинарном перепутье: риторика, прагматика и социология». Так как главная задача оратора состоит в том, чтобы аудитория одобрила основные положения его речи, то ему следует «выдвигать и аргументировать только те положения, которые являются приемлемыми и предпочтительными для аудитории». В свою очередь, «поскольку роль аудитории очень важна, то, разумеется, следует особо акцентировать те нормы и ценности, без которых диалог просто невозможен» ([2]). Опираясь на определенные представления об аудитории, оратор создает ее стереотип («образ»), который должен быть так или иначе соотносим с реальной аудиторией, иначе «дискурс будет неэффективен, если оратор ошибся и сконструированная аудитория не имеет ни малейшего сходства с эмпирическими адресатами» [3]. В ходе этого процесса закладываются принципы убеждения адресата, и, как следствие, действия оратора и его аудитории оцениваются как взаимнообратимые: формируя в своем сознании образ адресата, адресант начинает ощущать на себе влияние этого конструкта. Поэтому очевидна связь между образом адресата и продуктивностью деятельности адресанта. Формирование такого образа, который был бы максимально продуктивным для оратора, является предпосылкой активации риторической стратегии. При ее реализации на передний план выходят «способы создания впечатления» [4], базирующиеся на воплощении в разнообразных единицах языка или речи концепции адресата [5].

Определив предпосылки риторической деятельности судебного оратора, охарактеризуем то, как происходит влияние образа адресата на действия оратора в связи с представлением в речи события как повода для правоприменительной деятельности.

Сам путь воплощения риторической стратегии был представлен еще в классических риториках через категорию классического риторического канона, регламентировавшего деятельность говорящего на уровнях разработки предмета речи, его развертывания в

тексте и словесного выражения. Этапы риторического канона не потеряли своей актуальности и по сей день, но «вместо выработки правил построения эффективного высказывания современная риторика занимается изучением коммуникативного поведения людей в диалогическом поле взаимодействия их сознаний» [6]. Подчеркнем, что не правила построения высказывания, не то, как нужно, а проблема «как можно» лежит в основе современных разработок эффективности коммуникации. Отсюда и стратегический подход к изучению различных форм воплощения авторского замысла.

От того, насколько продуктивен образ адресата, зависит степень проработанности риторической стратегии на каждом из этапов речепорождающей деятельности оратора, т.е. при оформлении предмета речи, его структуры в тексте, а также при отборе соответствующих средств выражения.

Рассмотрим основные этапы оформления риторической стратегии на примере судебных речей А.Ф.Кони, составленных для присяжных заседателей.

Судебная речь, произносимая прокурором или адвокатом в ситуации судебных прений, состоит в формулировании и обосновании точки зрения на прецедент правонарушения с опорой на материал, собранный в ходе судебного расследования. Специфика суда присяжных приводит к тому, что оратором является человек, юридически образованный, а слушателем — человек без специальной подготовки. Поэтому цель оратора состоит в том, чтобы указать слушателю на признаки виновности/невиновности подсудимого и обстоятельства, смягчающие/отягчающие его вину. Для этого говорящий создает в своем сознании представление о слушателе (или, иначе, формирует свой образ адресата) и исходя из этого конструкта ориентируется в тех способах, которые помогут ему создать условия, способствующие принятию предложения. Создаваемые условия зависят от того, какую составляющую решит усилить оратор: предметную, эмоциональную, этическую. Так, в речах А.Ф.Кони усилена именно предметная составляющая, т.е. детально рассматривается событие правонарушения. Представление события правонарушения у Кони осуществляется с опорой на принципы достаточности, избирательности, обоснованности, наглядности, объективности, последовательности. По ним можно судить об авторской концепции адресата, в соответствии с которой слушатель (присяжный заседатель) слабо разбирается в юридических вопросах, не привык слушать долгие рассуждения, но способен осмыслить предлагаемую аргументацию, оценить степень разработанности оратором вопроса, самостоятелен в суждениях, а потому способен самостоятельно принять решение по делу.

Обратимся к рассмотрению того, как образ адресата обуславливает структурирование и реализацию нарратива в судебных речах А.Ф.Кони. Предлагаемая схема имеет обобщенный характер. Это связано с необходимостью показа общих принципов действия риторической стратегии.

Нарратив судебной речи, составленной для присяжных, совмещает в себе две тенденции: одна

определяется стремлением автора представить событие во всей его полноте, другая — необходимостью обоснования каждого из компонентов события. Первая тенденция соотносится с предлагаемым В.И.Тюпой понятием нарратива как сюжетно-повествовательной дискурсии [7]. Вторая может быть определена как ментатив (термин, предложенный Н.В.Максимовой). Ментативные высказывания «формируют некоторое *ментальное событие* (изменение картины мира) в сознании адресата». В отличие от нарратива ментатив состоит «в концептуализации своего референтного содержания, то есть в его «выкладке», «развертке» для Другого — в сверхопытной верификации смысла» [8]. Однако в судебной речи отличить нарратив и ментатив в рамках предлагаемых определений является затруднительным в силу того, что какие бы мыслительные операции оратором не совершались, они направлены на восстановление в сознании адресата события во всей его полноте, даже если это осуществляется путем не рассказывания, а обоснования. С учетом этих особенностей представления события в судебной речи можно сказать, что нарратив судебной речи — это дискурсивная деятельность оратора, направленная на воссоздание события правонарушения в сознании адресата при помощи как рассказывания, так и обоснования отдельных компонентов. В силу того, что в тексте судебной речи особое внимание уделяется именно компонентам события, целесообразно ввести понятие *нарративной системы*, которая представляет собой совокупность *нарративных компонентов* (НК), включающая в себя такие элементы события, как субъект действия, объект, само действие, цель, условие, причина, орудие действия, качества субъекта, остатки действия, состояние субъекта в момент совершения действия, сообщение субъекта о своих действиях другому и т.д. Иными словами, нарратив связан с дискурсивной деятельностью оратора, а нарративная система — с текстовой.

В ходе речемыслительной деятельности НК подвергаются различным операциям, поэтому фрагмент, включающий один и более НК, выделяется по тому, какое действие при помощи него автор совершает: рассказывает об обстоятельствах преступления, доказывает умышленный характер убийства или опровергает показания подсудимого об отсутствии у него цели убийства. Каждый из фрагментов при этом тематически относительно завершен. На основании этих признаков выделяемые фрагменты отождествляются с *речевыми актами* рассказа, доказывания, опровержения и т.д. Речевые акты в свою очередь объединяются в *композиционные части*, где объединяются тематически, за счет чего достигается часть поставленной автором цели.

Возвращаясь к речам А.Ф.Кони, отметим, что их общая цель состоит в том, чтобы помочь слушателю разобраться в обстоятельствах дела и тем самым создать условия для принятия им самостоятельного решения. Это подтверждается следующими репликами: «Вероятно, у вас уже составилось известное убеждение, сложившееся под влиянием всех впечатлений, почерпнутых здесь, на суде... Я нахожу более уместным *развить перед вами ход соображений*, ко-

торыми руководствовалась обвинительная власть, приводя обвиняемых перед вас и ныне их обвиняя» [По делу о подлоге завещания от имени купца Козьмы Беляева, 1872]; «Я *позволю себе остановиться... постараюсь почерпнуть из дела такие черты...* а вы уже решите, кто пошел верным путем, а кто забрел, куда не следовало» [По делу о расхищении имущества умершего Николая Солодовникова, 1871]; «Судебное следствие развило перед вами все существенные обстоятельства дела, *в наших судебных прениях мы постараемся разъяснить перед вами их значение и характер*, и затем вы постановите беспристрастный приговор [По делу об убийстве коллежского асессора Чихачева, 1874] [13]. Из этих реплик становится очевидным принцип объективности, состоящий в стремлении оратора максимально верно отобразить произошедшее.

На этапе разработки материала, или на уровне НК, где происходит активизация тех частей события, на которых оратор намерен заострить внимание, реализуются принципы достаточности и наглядности, поскольку рассматривается максимальное число НК.

Каждый из НК встраивается в речевой акт, где осуществляется оперирование с ним (происходит доказывание, напоминание, опровержение и т.д.), в результате чего реализуется принцип обоснованности, состоящий в стремлении оратора доказать каждое выдвигаемое им положение.

В пределах отдельно взятой композиционной части речевые акты проходят тематический отбор, за счет чего набор речевых актов оказывается тематиче-

ски ограниченным и целесообразным (реализуется принцип избирательности).

На уровне расположения компонентов нарративной системы реализуется принцип последовательности. Принцип последовательности обусловлен стремлением оратора развивать свои размышления в соответствии с развитием события во времени.

Как показал анализ речей А.Ф.Кони, нарратив, являясь составляющей риторической стратегии, предполагает выдвижение образа адресата, влекущее за собой а) формулирование ориентированной на этот образ цели/установки; б) формирование принципов выражения мысли, подчиненных поставленной цели; в) учет этих принципов на каждом этапе разработки представления события. Иными словами, нарратив связан с такой организацией дискурсивной деятельности оратора, при которой усиливается предметная логичность текста.

1. Аристотель. Риторика. Поэтика. М., 2000. С.14.
2. Цит. по: Пешню Дж. // НЛЮ. 2002. №58 — <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/>
3. Там же.
4. Шпет Г.Г. Психология социального бытия. М.; Воронеж, 1996. С.200-202.
5. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С.200-201.
6. Тюпа В.П. От поэтики к риторике (в печати).
7. Тюпа В.И. Теория как дискурсивная практика // Гуманитарная наука сегодня. М.; Калуга, 2006. С.46.
8. Там же.
9. Кони А.Ф. Собр. соч. Т.3: Судебные речи. М., 1967. 386 с.